

УДК:173.7

Д.В. Столяров*магістр социол. наук, аспирант Института философии
Национальной академии наук Беларуси***АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО
«АННА КАРЕНИНА» ПОСРЕДСТВОМ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЫ КАРЕН ХОРНИ**

Рассматривается специфика гендерных взаимоотношений, описанных в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Анализируются такие явления, как «гендерная дискриминация» и «двойные стандарты». На примере литературных персонажей раскрываются характер и особенности социального механизма, провоцирующего подобные явления. В целях детального анализа научного характера применяется психоаналитическая концепция К. Хорни. Согласно теории К. Хорни показана суть взаимодействия культуры и человека в гендерной сфере.

Введение

Многие произведения мировой классики в первую очередь ценны тем, что отражают вневременные вопросы. Они возникли на заре человечества и представляют собой обширное поле не только для литературных размышлений, но и для научных исследований. Гендерная проблематика в рамках различных времён, культур и социальных институтов – одна из таких сфер. Классик русской литературы Л.Н. Толстой в ряде своих произведений гендерным вопросам уделяет особое внимание. Одно из таких произведений – роман «Анна Каренина», сюжет которого сконцентрирован непосредственно на проблемах гендерных взаимоотношений, проблемах семьи и брака. Американский психоаналитик К. Хорни также посвятила значительную часть своего научного творчества изучению вышеуказанных сфер. Цель статьи – посредством применения научной парадигмы в отношении классического литературного сюжета объяснить типичные и извечные проблемы гендерных отношений. В рамках данной цели можно выделить следующие задачи: 1) рассмотреть и раскрыть явления гендерной стереотипизации и двойных стандартов; 2) проанализировать эффективность применения научной парадигмы в отношении художественного текста. Анализируя и интерпретируя жизненные ситуации литературных героев сквозь призму научной теории, можно ещё раз убедиться в их неисчерпаемости и вневременной актуальности.

Культурная среда как объект анализа психоаналитической парадигмы К. Хорни

Рассматривая примеры взаимоотношений персонажей романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», нельзя не заметить, что психоаналитическая парадигма К. Хорни весьма точно может раскрыть сущность некоторых явлений, описанных в этом произведении. Акцентируя внимание на влиянии культуры на жизнь и отношения между индивидами, на их становление и развитие, К. Хорни приходит к выводу, что все люди в определённой степени являются заложниками неких культурных рамок. Данные рамки могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние, но уйти от них очень сложно. Если ещё отдельная личность может предпринять какие-либо попытки этого, то говорить об определенной социальной общности по данному вопросу абсолютно бессмы-

Научный руководитель – М.А. Можейко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств

сленно, ибо, отказавшись от одних рамок и норм, общество неминуемо попадёт в другие, поскольку такова его сущностная природа: общество само по себе уже есть рамка и норма, в какой бы примитивной форме это ни выражалось. Это абсолютно нормальный и закономерный процесс. Целью же общественного развития в таком случае может служить лишь максимальное расширение этих рамок и поиск наиболее благоприятных альтернатив.

Так, в романе «Анна Каренина» ярко показаны люди как заложники традиционной патриархально-консервативной системы, негативные стороны которой в той или иной степени оказывают влияние на практически всех значимых персонажей. Наиболее отчётливо характер консервативного уклада отражён Л.Н. Толстым посредством описания жизни и взглядов женщин того времени, в частности, Анны Карениной, Долли Облонской и Кити Щербацкой. Одним из основных тезисов, на наш взгляд, является то, что всякое негативное, что есть в человеке, как во внешности, так и в душе и поступках, есть результат последствий воздействия на него (человека) чего-то негативного в прошлом. Данное утверждение отчётливо отражено в описании жизни и судьбы главной героини. Изначально обречённые её брачные отношения, в которые она вступает под давлением, приводят Анну к ряду внутриличностных конфликтов и опрометчивых поступков. Так, под воздействием негативных социальных установок любой человек может быть раздираем внутренними конфликтами и вольно или невольно становится хуже, чем он есть на самом деле.

Анна, Долли, Кити – яркие примеры жертв своего времени, своей культуры. Не в силах себя в ней полностью реализовать, они постоянно мучимы терзаниями, и всякое дурное проявление в них есть ответ на те самые вызовы патриархальной культуры, сковавшей и примитизировавшей всю женскую часть общества, оставив за женщинами лишь роли домоуправительниц и матерей, что, несомненно, не могло быть достаточным. Вот что пишет по этому поводу в одной из своих книг Карен Хорни: «Усилия женщины достигнуть независимости, расширить круг своих интересов и поле деятельности постоянно наталкиваются на традиционный скептицизм. Большинство считает, что такие усилия должны предприниматься только перед лицом экономической необходимости и что они извращают внутреннюю сущность и естественные склонности женщины. Таким образом, все эти усилия объявляются не имеющими жизненно важного значения для женщины, чьи помыслы должны, по сути дела, крутиться исключительно вокруг мужчин и материнства. Такое отношение к женщине, каковы бы ни были его основания и как бы мы его ни оценивали, отражает патриархальный идеал женственности, а именно женщину, чье единственное страстное желание – любить мужчину и быть им любимой, восхищаться им и прислуживать ему, и даже творить себя по его образу и подобию. Те, кто отстаивают эту точку зрения, как правило, ошибочно выводят из внешнего поведения существование внутренней инстинктивной предрасположенности к нему, в то время как в реальности инстинктивная внутренняя предрасположенность не может быть распознана как таковая по той причине, что биологические факторы никогда не заявляют о себе в чистом незамаскированном виде, а всегда модифицируются традицией и средой» [1, с. 90–91].

В связи с этим следует отметить, что, рассматривая ситуацию сквозь психоаналитическую парадигму К. Хорни, нельзя хотя бы вскользь не упомянуть о феминистической парадигме, проблемы которой Л.Н. Толстой также остро поднимает в своем романе. Это особенно заметно, если вспомнить о феномене «двойных стандартов», так часто критикуемом в феминистических концепциях. Весьма красноречивым примером воплощения в жизни данного феномена может послужить сравнение таких персонажей, как Анна Каренина и её брат Степан Аркадьевич Облонский. Как известно, они оба были уличены в супружеской неверности, но если на публичную жизнь Степана Аркадье-

вича это не накладывает какого-либо существенного впечатления (он как прежде посещает мероприятия, приёмы, даже продвигается по службе), то жизнь Анны меняется кардинально: она становится затворницей поневоле, весь свет отворачивается от неё, двери салонов и «приличных» домов для неё закрыты. Такое отторжение, неспособность самореализоваться в сложившихся обстоятельствах ставят героиню на деструктивный конфликтный путь, что неминуемо ведёт к трагической развязке. При этом Анну ни в коем случае нельзя, на наш взгляд, возносить и делать из неё некий «образ свободной женщины» в феминистическом понимании, ибо Анна творит зло из собственных эгоистических побуждений, но, опять же, не следует забывать и о том, что из страданий ничего не рождается, кроме зла. Так, в романе описывается брак Анны с нелюбимым Карениным, что не могло не спровоцировать начала внутреннего конфликта, который, вызревая постепенно, со временем достиг своего апогея в виде сначала абсолютно тупиковых отношений с Вронским, унижения и осрамления пусть нелюбимого, но мужа, предательства по отношению к сыну, а затем самоубийства главной героини, раздираемой противоречиями. Так, одно первоначальное зло, как то брак поговору, породило цепочку дальнейших зол. Анна есть тип невротической личности, движущейся, согласно теории К. Хорни, против людей. Такой тип поведения описывается примерно следующим образом: «В то время как подчиненный тип стремится к мирному улаживанию дел, агрессивный тип делает все, что в его силах, чтобы быть хорошим бойцом. Он бдителен и проницателен в споре и не откажется от брани, чтобы доказать свою правоту. Он может проявить все свои лучшие качества, если окажется припертым к стене и у него не останется никаких альтернатив, кроме борьбы. В отличие от подчиненного типа, который боится выигрывать, агрессивный тип плохо переносит проигрыши и без колебаний стремится к победе. Он готов обвинять других с такой же страстью, с какой подчиненный тип берет вину на себя. Ни в том, ни в другом случае учет реальной вины не играет никакой роли. Подчиненный тип, когда признает себя виновным, никоим образом не убежден, что это именно так; им движет потребность мирного решения проблемы» [2, с. 41]. Подобное заключение подтверждается и одним из эпизодов романа: «Вспоминая те жестокие слова, которые он сказал, Анна придумывала ещё те слова, которые он, очевидно, желал и мог сказать ей, и всё более и более раздражалась. Все самые жестокие слова, которые мог сказать грубый человек, он сказал ей в её воображении, и она не прощала их ему, как будто он действительно сказал их» [3, с. 561]. Таким образом, как пишет об этом К. Хорни, враждебная реакция может возникать не только в ответ на отвержение или на то, что воспринимается как отвержение, но также в ответ на предчувствие отвержения [2, с. 56].

Таким образом, приведённый пример показывает, как одно зло, произошедшее под воздействием культурных стандартов, а именно брак без любви, образовало череду негативных последствий, т.е. пренебрежение близкими людьми, непристойный во всех смыслах образ жизни и, как следствие, депрессия, разочарование и суицид героини. Несмотря на всю внешнюю непривлекательность ситуации, следует заметить, что Анна, её жизнь, её поступки – это активное сопротивление, война против традиционных устоев и гендерного неравенства. Да, её попытки неумелые, хаотичные, носят ярко выраженный деструктивный характер, но само их наличие уже есть свидетельство некоего проблеска во мраке бытия.

Совсем же иным в свете представленных событий предстаёт пред нами другой персонаж – Дарья Александровна, или Долли, супруга Степана Аркадьевича. Она также, будучи одержима внутренними конфликтами, находясь в жёстких рамках существующей социальной системы, тяготится своим положением, но в отличие от Анны, в ней нет того безумного огня, способного толкнуть на пусть и отчаянные и бессмысленные, но всё же шаги на пути к освобождению. Весьма точно подобный тип личности

описывается в одной из работ К. Хорни: «Подчиненный тип, проявляет все черты, которые соответствуют людям, “движущимся к”. Этот тип демонстрирует заметную потребность в любви и одобрении, а также специфическую потребность в партнере, друге, любящем существе – муже или жене, “который должен осуществить все жизненные ожидания невротика и нести ответственность за все происходящее, как хорошее, так и плохое, причем успешное манипулирование партнером становится доминирующей задачей”. Из-за неразборчивой природы своих влечений подчиненный тип склонен переоценивать свою близость и общие с окружающими интересы и пренебрегать разделяющими факторами. Подобная неверная оценка людей вызвана не глупостью или неспособностью наблюдать, а обусловлена компульсивной природой его влечений. В итоге, данный тип невротика нуждается в том, чтобы он нравился, нуждается в том, чтобы быть нужным, важным для других, в особенности, для какой-нибудь одной конкретной личности; нуждается в том, чтобы ему помогали, его защищали, оберегали, им руководили» [2, с. 35].

Осознавая себя жертвой, не в силах раскрыться, она ненавидит свой образ жизни, свою бытовую повседневность, медленно и методично убивающую физически и духовно; но пойти против людей у неё не хватает некой безумной смелости, которая есть у Анны, и потому Долли идёт к людям, прощая мужу безответственность и поверхностность, рожая от него детей (сама не зная для чего). Вот как описывает жизнь Долли Толстой: «Да и вообще, – думала Дарья Александровна, оглянувшись на всю свою жизнь за эти пятнадцать лет замужества, – беременность, тошнота, тупость ума, равнодушие ко всему и, главное, безобразия» [3, с. 455]. Самое прискорбное в случае с данным персонажем то, что Долли полностью осознаёт и своё бедственное во всех смыслах положение, и то, что она сама в какой-то степени виновата в нём, но она ничего не делает против этого, и всё ограничивается тихими жалобами про себя – реквиемом по своей загубленной серой жизни.

Чувствуя острую потребность в любви, и Анна, и Долли подвержены целому ряду невротических конфликтов, связанных как с укладом семейной жизни и быта, так и с собственной реализацией в рамках культуры и общества. Различие их лишь в том, что Долли направлена к людям, бесконечно идя всем и вся на уступки, часто в ущерб собственным интересам и принципам, а Анна направлена против людей, подвергая их (мужа и любовника в первую очередь) агрессивным нападкам, которые на деле не что иное, как извращённая жажда любви и внимания, своеобразное признание своего вынужденного одиночества в рамках социальной общности, с которой у неё попросту нет никаких взаимных отношений, кроме неприязни и непонимания.

Особенности личностных типов персонажей романа «Анна Каренина» в условиях внешних и внутренних конфликтов

В ходе анализа мы можем увидеть, что автор проводит параллели между двумя этими женщинами, показывая, что они приобретают и чем они во имя этого жертвуют. Жертва Анны в данном случае очевидна, очевидна потому, что её социальные связи разрушены, новые же в рамках своей культурной общности она выстроить не может, в результате оказываясь не у дел, что и разрушает её окончательно. Это есть расплата за протест, высказанный в адрес устоявшейся морали и культуры, за попытку мести своему прошлому. Жертва Долли менее очевидна, что, впрочем, объяснимо, ибо и сама Дарья Александровна – особа гораздо более традиционного, спокойно-пассивного уклада, свойственного основной массе женщин. Ей, несмотря на всю тупиковость и бессмысленность положения, дорога её социальная база в виде семьи. Дети есть оправдание всех жертв. Как следствие, жертвенность Долли прослеживается в её серой, наполненной физическими и духовными страданиями, безмолвной жизни, в неимении права

на протест, ібо разум ёй рацыяналізуе ўсе унізительныя ўступкі і ўвогуле ўсё цягостнае бремя ёй жыцця. Характэрызуя даны псіхотып, К. Хорні пішэ: «Условіе быць несчасным і страдаць можа касатся, напрыклад, домашняй ці прафесійнай жыцця, якая падсвядомльна выстраіваецца так, што чалавек перапрацавае ці вымушэны прыносіць цягостныя жывы «рады сям'і». Так, мы часта наблідаем, як пасля свадьбы людзі опускаюцца, іх развіццё ідзе ўспяць, будзь то ў прафесійнай кар'еры ці ў інтэлектуальнай сфэры. І, канечна жэ, гэта бесчлісныя выпадкі прыслужніцтва ў свайго партнёра, прычым становішча раба прымаецца па сабственай волі, з свядомым насладжэннем свайм велікім чутвом адгаворнасці. Глядзя на такія бракі, удзіваешся: чаму яны не разваліваюцца, а часта, наадварот, вельмі стабільны? Но, па размышленні, як я ўжэ гаворыла, панамаеш, што іменна выкананне ўмоў няшчаснасці і ёсць гарантыя неразрывнасці саюза» [1, с. 35–36].

Следуе такжэ ўпамняць і о Кіці Шэрабацкай – сестры Дольі, якую аўтар, па нашаму мненню, ставіць на распут'е, і яна, з адной староны, будучы заложніцай культурных стэратыпов, з другой, абладаючы большай жадой жыцця, нежэлі Дольі, а меншым эгаізмам, чэм Анна, імела б ўсе шансы праявіць гібкасць характэра і ўспешна ў ўсіх сэнсах адаптавацца ў існуючай культурнай срэды.

Рассматривая персанажэй-мужчін, я абратіў найбольшае ўважанне на тры цэнтральныя фігуры: Стэпана Аркадзевіча, Левіна і Вронскага. Гаворыўшы вышэ о тым, што жанчыны былі заложніцамі культурных рамак, нельзя адрыцаць і таго, што ў падобным становішчы былі і мужчыны, проста за яўнай яго выігрышнасцю не ўсе з іх асознавалі гэту завасімасць. Яркімі прадстаўіцямі патрыархальна-кансерватыўнага парадка яўляюцца з вуду такія разныя, а на дэле – дзве староны адной медалі: Стэпан Аркадзевіч і Канстанцін Левін. Яны – два разнапланавыя парожджэнні традыцыйнай культуры таго часу. Першы – тыпічны прадстаўіцель гарадскога дварянства, другой – дэравенскі барын, не аторваны ад перавыбытнай сущнасці рускага крэсцьянства. Іх разліччы, на якіх акцэнтывуе наша ўважанне Л.Н. Толстай, канечна, прысутствуюць, а на дэле вельмі мнімы, ібо лішч абраз жыцця гэтых персанажэй разлічае іх, а будучы парожджэннем адной культурнай мадэлі, аднаго часу, яўляюцца абсалютна стандартнымі і тыповымі яго прадстаўіцямі, яны нікуда не могуць ад гэтага ўйсці, неспмастра ні на якія спыткі.

Стандартная сямейная жыццё Стэпана Аркадзевіча пратэкае спакойна і інертна. Яму ў сваёй сям'і ўдачна з чыста функцыянальнай тачкі зрення. Сільных чутв к супруге ў яго нэ, што стварае ў ім ўнутранні канфлікт, які ўпаследствіі прыводзіць к змяне і парождае ўжэ следуючае зло ў ланцужку жыцця, а іменна, сцэны з жэнай, карыстны інтэрес і адсутствіе раскаяння як таковага, што і падтвэрждасца ў следуючым эпізодзе. «Стэпан Аркадзевіч быў чалавек правдывы ў адносінах к сабе саму. Ян не мог абманываць сябе і ўвэраць сябе, што ян раскаіваецца ў сваёй паступке. Ян не мог тэпер раскаівацца ў тым, што ян, трыдцатыветрыхлетні, красывы, влюбчывы чалавек, не быў влюблён ў жэну, маць пяці жывых і двух умершых дэтей, бывшую толькі годм малажэ яго. Ян раскаіваўся толькі ў тым, што не ўмел лухше скрыць ад жэны. Ян прачёл пісьма. Адно было вельмі непрыятнае – ад купца, пакупавшага лес ў іменні жэны. Лес гэты неабходна было прадатць; а тэпер, да прымірэння з жэнай, не магло быць о тым речі» [3, с. 8].

Констанцін Левін – чалавек савсем інаго жыццёнага ўкладу. К. Хорні дае следуючую характэрыстыку такому лчностнаму тыпу: «Патрэбнасць абосаблиннай лчнасці ў прэвосходстве абладае адрэделенымі характэрынымі чэртамі. Испытываю адаврашчэньне к саперніцтву, прадстаўляючаму рэзультат паследаватэльнай рабаты над сабой, абосаблинная лчнасць счытае, што скрытыя ў ёй сокровішчы дажны прынадалежаць ёй бэз всякаго ўсілья з ёй староны; ёй ўнутраннае веліччэ дажно чутвонна

ваться без какого-либо движения. В своих мечтах, например, такая личность может вообразить себя спрятанным в отдаленной деревушке сокровищем, поглядеть на которое ценители съезжаются издалека. Подобно всем представлениям о превосходстве приведенный пример содержит некоторый элемент реальности. Спрятанное сокровище символизирует богатую интеллектуальную и эмоциональную жизнь невротика, которую он хранит внутри волшебного круга» [2, с. 62]. Он есть олицетворение некой библейской серьезности (несмотря на то, что неверующий), уверенности в незыблемости своих установок и вместе с тем некой тайной ранимости в совокупности с демонстративной отрешенностью от людской суеты. Являясь в город, при встрече со своим приятелем Степаном Аркадьевичем и находясь в обществе городского дворянства, он как будто предпринимает попытку примерить на себя роль снизошедшего до людской суеты, роль существа, познавшего нечто сакральное, что в принципе недоступно рядовому обывателю, но, тем не менее, просто и очевидно. Однако следует заметить, что, поскольку описанное состояние есть лишь неумелая маска, под которой Левин пытается скрыть внутренние терзания, связанные с устройством личной жизни, его «явление» не возымело должного эффекта, и вместо восторженных взглядов и обывательского благоговения он в лучшем случае удостоивается ироничных замечаний со стороны Степана Аркадьевича, в худшем – желчной критики со стороны графини Нордстон. Переживания Левина, его неуверенность и метания в процессе разговора со Степаном Аркадьевичем Облонским о предложении к Кити явно выдают его напускное величие и хладнокровие. Это отражено и в тексте романа. «Убеждение Левина в том, что этого не может быть, основывалось на том, что в глазах родных он невыгодная, недостойная партия для прелестной Кити, а сама Кити не может любить его. Он шёл по дорожке к катку и говорил себе: “Надо не волноваться, надо успокоиться. О чём ты? Чего ты? Молчи, глупое”, – обращался он к своему сердцу. И чем больше он старался себя успокоить, тем всё хуже захватывало ему дыхание. Знакомый встретился и окликнул его, но Левин даже не узнал, кто это был. Он подошёл к горам, на которых гремели цепи спускаемых и поднимаемых салазков, грохотали катавшиеся салазки и звучали весёлые голоса. Он прошёл ещё несколько шагов, и перед ним открылся каток, и тот час же среди всех катавшихся он узнал её. Он узнал, что она тут, по радости и страху, охватившим его сердце» [3, с. 23].

Примерно так подобное состояние описывается в работе К. Хорни о невротической личности: «Прямым результатом тревожности, связанной с невротическим соперничеством, является страх неудачи и страх успеха. Страх неудачи отчасти является выражением страха быть униженным. Любая неудача становится катастрофой» [4, с. 250]. И действительно, после неудавшегося предложения Кити Левин уходит в себя, ещё более закрываясь от общества, вынашивает мысли о женитьбе на крестьянке, что определённым образом может быть нами воспринято как стремление к компромиссу, свойственное для невротической личности такого типа. К. Хорни уточняет по этому поводу: «Невротик стремится и приходит к компромиссным решениям – не случайно называемым невротическими, – и эти решения менее удовлетворительны, чем решения нормального человека, и достигаются дорогой ценой для личности в целом» [4, с. 11]. Вообще, Левин, будучи ярким примером личности, движущейся от людей, во многом подпадает под описание, данное такому типу в работе К. Хорни «Наши внутренние конфликты»: «Решающим признаком можно считать внутреннюю потребность невротиков обособленного типа устанавливать эмоциональную дистанцию между собой и другими. Более точно – их осознанная или бессознательная решимость не позволяет вовлекать себя в эмоциональную связь с другими, будь то любовь, борьба, сотрудничество или конкуренция. Они очерчивают вокруг себя что-то вроде волшебного круга, который никто не имеет права пересечь. Вот почему чисто внешне они могут оставаться “одио-

кими” и на людях. Комппульсивный характер этой потребности обнаруживается в их тревожности при столкновении с реальным миром» [2, с. 57].

В данной ситуации уже неудивительным становится то, что возлюбленная Левина Кити Щербацкая, будучи представительницей городской, светской культуры, во многом свободная от пережитков традиционализма, отказывает изначально Левину в пользу Вронского, который держится как бы особняком от консервативно-традиционного общества, но тем не менее умеет находиться как бы и при нём, в случае необходимости органично вписываясь туда. Последующая любовь к Анне – единственная слабость этого персонажа, которая и низвергает его, доселе не ведавшего душевных терзаний, в пучину внутренних конфликтов.

Осознавая тягостность своего положения, объявив, как и Анна, протест доминирующей культурной традиции и светским приличиям, Вронский гораздо раньше понимает всю их обречённость, всю бессмысленность происходящего, что и описано в одной из глав романа следующим образом: «Он подошёл к двери и затворил её; потом с остановившимся взглядом и стиснутыми крепко зубами подошёл к столу, взял револьвер, оглянул его, перевернул на заряженный ствол и задумался. Минуты две, опустив голову с выражением напряжённого усилия мысли, стоял он с револьвером в руках неподвижно и думал. “Разумеется”, – сказал он себе, как будто логический, продолжительный и ясный ход мысли привёл его к несомненному заключению. В действительности же это убедительное для него “разумеется” было только последствием повторения точно такого же круга воспоминаний и представлений, через которые он прошёл уже десятки раз в этот час времени. Те же были воспоминания счастья, навсегда потерянного, то же представление бессмысленности всего происходящего в жизни, то же сознание своего унижения. “Разумеется”, – повторил он, когда в третий раз мысль его направилась опять по тому же самому заколдованному кругу воспоминаний и мыслей, и, приложив револьвер к левой стороне груди и сильно дёрнувшись всей рукой, как бы вдруг сжимая её в кулак, он потянул за гашетку» [3, с. 315]. Как мы можем наблюдать, когда Вронский и Анна идут вразрез с устоявшимися нормами, борьба против них в равной степени измощает обоих. Они, будучи бессильными в отношении социальной системы, будучи неспособными понять друг друга и разрешить внутренние и внешние противоречия, не могут удовлетворить своих индивидуальных потребностей, ибо не понимают и не пытаются понять потребностей друг друга. Вронский и Анна (в первую очередь, она, ибо ещё не осознала обречённости) лишь выдвигают обвинения и упрёки друг против друга. К. Хорни описывает подобное состояние примерно следующим образом: «Женщина, цепляющаяся за мужчину, на которого она перекладывает всю ответственность за свою жизнь, может абсолютно не обращать внимания на то, можно ли в самом деле полагаться на данного человека, действительно ли она счастлива с ним, любит ли и уважает ли она его» [5, с. 13].

Таким образом, рассмотрев ряд значимых персонажей романа «Анна Каренина», можно сделать вывод о том, что описанное в произведении соответствует в ряде случаев психоаналитической парадигме К. Хорни, которая исчерпывающе раскрывает и объясняет проблемы и конфликты главных героев. В заключение хотелось бы привести ещё одну цитату из работы К. Хорни, которая лишь подтверждает высказанные выше суждения: «Жизнь с неразрешёнными невротическими конфликтами влечёт не только распыление усилий, но и двусмысленность в вопросах морального характера, т.е. двойственность моральных принципов и всех чувств, аттитюдов и поведения, на которых держатся отношения невротика с другими и которые влияют на его развитие. И как распыление усилий ведёт к бесполезной трате энергии, так и двойственность в моральных вопросах ведёт к потере нравственной последовательности и искренности или, другими словами, к ослаблению нравственной целостности. Подобное ослабление порождается

противоречащими друг другу позициями, занимаемыми невротиком, а также его попытками скрыть все эти противоречия» [2, с. 143].

Применение психоаналитической парадигмы не случайно, если учесть глубокий психологизм исследуемого произведения. На наш взгляд, особенность «Анны Карениной» прежде всего в том, что Л.Н. Толстой преследует цель детального разбора каждой отдельной ситуации, каждого отдельного персонажа, тонко описывая всю палитру переживаний и эмоций. Именно благодаря этому психоаналитический разбор этой истории способен в наибольшей степени уточнить проблемы, затрагиваемые Л.Н. Толстым, но уже не на художественном, а на научном уровне. Так, можно наблюдать, что практически все конфликты романа вызваны трудностями, существующими в данное время, в данной культуре, внутренняя незащищённость, особенно свойственная Долли и Левину, порождающая чувство неполноценности и агрессию, во многом свойственна Анне и Вронскому.

В финале романа читатель может увидеть торжество того самого традиционного уклада, ознаменованное повержением главного его врага, а именно, Анны, тихим, стабильным и вместе с тем безумно скучным и убогим существованием семьи Облонских во главе с ярко выраженным конформистом Степаном Аркадьевичем, а также принятие Вронским после смерти Анны позиции «ухода от людей». Состояние Вронского весьма красноречиво описано в одном из его финальных монологов. «Я, как человек, – сказал Вронский, – тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. А что физической энергии во мне довольно, чтобы врубиться в каре и смять или лечь, – это я знаю. Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла» [3, с. 585]. Следует всё же обратить внимание и на некую пафосность и наигранность этих слов. Складывается ощущение, что Вронскому всё же жаль себя. На наигранности всего этого акцентирует внимание и Толстой в одном из комментариев касательно графа Вронского: «Он сделал нетерпеливое движение скулой от непрерывающей ноющей боли зуба, мешавшего ему даже говорить с тем выражением, с которым он хотел» [3, с. 583]. Тем не менее он уходит на войну, казалось бы, в самую гущу событий, на самый пик риска, но, как бы это ни звучало странно, Вронский уходит в покой, для него война есть забытие, есть та спасительная тишина, заглушающая сердечную боль, и боль уязвлённого самолюбия, и тоску от потраченных лет сожжённой жизни.

Свадьба Константина Левина и Кити Щербацкой – ещё одно свидетельство победы культурных стандартов над бунтующими одиночками, однако победы неполной, ибо Кити предстаёт пред нами всё же человеком иного плана, нежели типичная женщина тех лет. С виду покорившаяся и смирившаяся с требованиями культурных рамок, она всё же не отошла от сути своей и, полюбив все доброе в муже, но сохранив живость ума, решительность действий и критичность мышления, преодолела внутренние конфликты, нашла оптимальный путь личностного развития, не вступая в открытые противоречия с культурной системой.

Заключение

Таким образом, мы можем наблюдать, как культурная система и порождаемые ею стереотипы в отношении мужского и женского влияли на жизнь людей тех или иных психологических характеристик. В современном мире рассмотренные вопросы также не потеряли актуальности ввиду как обострившихся проблем традиционного брака, так и возникновения принципиально важных для разрешения вопросов, связанных с трансформацией гендерных и брачно-семейных отношений. В нынешний переходный период, обусловленный кризисом традиционной полоролевой системы и института семьи в целом, обращение к классическим примерам данных ситуаций при помощи науч-

ных методик может помочь переосмыслить ключевые проблемы этого направления человеческих отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хорни, К. Женская психология / К. Хорни. – СПб. : Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1993. – 209 с.
2. Хорни, К. Наши внутренние конфликты / К. Хорни – М. : Акад. проект, 2007. – 224 с.
3. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – Минск : Беларус. сов. энцкл., 1979. – 610 с.
4. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 464 с.
5. Хорни, К. Самоанализ / К. Хорни. – СПб. : Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1993. – 253 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2016

Stolyarov D.V. Analysis of Gender Relations in the Novel by L.N. Tolstoy's «Anna Karenina» with Karen Horney Psychoanalytic Paradigm

The paper deals with the specificity of gender relations in the novel «Anna Karenina» by L.N. Tolstoy. Phenomena of gender discrimination and double standards are analyzed. The nature and characteristics of social mechanism, provoking similar phenomena, are considered by the example of literary characters. For the purpose of detailed analysis of scientific nature psychoanalytic conception of famous researcher K. Horney is applied. Using this theory research shows and explains the meaning of interaction between culture and human in the gender sphere.